

Глава 11

Пока обитатели кухни тратили все свои силы и внимание на приготовление бисквитов по рецепту Чжу Цзылина, время неумолимо близилось к вечеру, и подготовку к ужину пришлось вести в большой спешке.

Юноша всё ещё опасался, что Жун Чжао не до конца сменил гнев на милость. К счастью, на этот раз ему не пришлось искать предлог, чтобы заманить супруга к столу: князь сам распорядился подавать ужин.

Едва услышав это, Чжу Цзылин поспешил занять своё место. Он твёрдо решил, что даже если Жун Чжао попытается его прогнать, он не сдвинется ни на шаг.

Однако Жун Чжао при встрече выглядел на удивление спокойным. Лишь одарив юношу мимолётным, бесстрастным взглядом, он молча сел и взял палочки.

Чжу Цзылин украдкой наблюдал за ним, быстро пробуя одно блюдо за другим. Убедившись, что супруг не собирается выражать недовольство, он окончательно расслабился и принялся за еду с привычным воодушевлением.

«Похоже, он и впрямь остыл»

Юноша удовлетворённо отметил это про себя.

Раз так, пришло время снова поднять вопрос о подношениях для визита в родительский дом.

Проглотив нежный, хрустящий ломтик свинины, обжаренной с побегами бамбука, Чжу Цзылин поднял глаза на Жун Чжао:

— Ванъе, не могли бы вы оказать мне одну услугу?

«...»

На мгновение по суровому лицу князя скользнула тень необъяснимого напряжения, впрочем, почти незаметная. Жун Чжао медленно отложил палочки и, повернувшись, окинул Чжу Цзылина нечитаемым взглядом.

— Какую же ещё услугу ванфэй хочет потребовать от этого князя? — в его голосе звенел холод.

Пусть даже им двигала пылкая влюблённость, Жун Чжао не собирался поощрять подобные дерзости вроде недавнего предложения «взбивать яйца».

Несмотря на привычную мрачную ауру, юноша ясно считал во взгляде супруга недвусмысленное предупреждение: «На этот раз хорошенько подумай, прежде чем открывать рот. Если посмеешь снова выкинуть нечто подобное, я и впрямь тебя проучу».

Чжу Цзылин лишь невинно захлопал ресницами.

— Завтра нам предстоит нанести визит моей семье, — начал он. — Мне просто хотелось узнать, какие подношения подготовило поместье князя Ли?

Жун Чжао не ожидал подобного вопроса, но он не показался ему обременительным. Князь бросил взгляд на стоящего неподалеку управляющего:

— Ван Сяньхэ.

Тот мгновенно понял намёк и выступил вперёд:

— Ванфэй желает взглянуть на список даров? — вежливо осведомился управляющий. — Одну минуту, старый слуга сейчас же его принесёт.

Ван Сяньхэ уже собирался уходить, но Чжу Цзылин остановил его:

— А? Нет, список мне ни к чему. Я просто хочу знать... дороги ли эти дары?

Старик на мгновение замялся, подбирая слова:

— Разумеется, они более чем ценные...

Ещё свадебные подарки Жун Чжао для поместья министра поразили всех своей щедростью, поэтому и в этот раз управляющий не посмел ударить в грязь лицом. Он подготовил всё по высшему разряду, увеличив объём подношений вдвое — любой счёл бы их роскошными.

Решив, что Чжу Цзылин хочет сделать дары ещё богаче, Ван Сяньхэ поспешно добавил:

— Если ванфэй считает, что этого мало... я могу добавить что-нибудь ещё.

— Нет-нет, — снова перебил его юноша. — Напротив! Я имел в виду, нет ли у нас чего-нибудь такого... что выглядит внушительно и дорого, о чём не стыдно заявить во всеуслышание, но что на деле совершенно бесполезно?

Управляющий опешил, а Жун Чжао невольно выгнул бровь.

— Ванфэй желает... — старик замялся, не решаясь закончить мысль: неужели юноша хочет использовать нечто подобное в качестве дара своей семье?

Последующие слова Чжу Цзылина лишь подтвердили его догадку:

— Если в сокровищнице найдётся такая вещица, отправьте её. А если нет, выберите что-нибудь попроще. Главное — не отдавайте ничего по-настоящему ценного.

Пусть имущество Жун Чжао и не принадлежало юноше в полной мере, одна лишь мысль о том, что семья Чжу получит в своё распоряжение гору сокровищ, приводила его в душевное беспокойство. Он согласился на этот брак, чтобы жить в достатке и сытости, а вовсе не для того, чтобы осыпать милостями родной дом.

Министр Чжу Жуйхун и госпожа Ху за долгие годы причинили ему немало зла. К тому же они до сих пор удерживали приданое его покойной матери — вернуть его Чжу Цзылину удалось лишь перед самой свадьбой, воспользовавшись громким именем Ли-вана.

Пусть сейчас юноше было лень вступать с ними в открытую борьбу, но и дарить им хоть малейшую выгоду он не собирался.

Управляющий впал в такое изумление, что на какое-то время лишился дара речи. До него доходили слухи, что в поместье министра к старшему сыну относились не лучшим образом, особенно старалась мачеха. Но в почтенных семействах редко случались открытые раздоры — обычно считалось, что узы крови между отцом и сыном святы.

Однако Ван Сянхэ, долгие годы служивший Жун Чжао, не раз видел изнанку императорской семьи, где сын мог пойти против отца. Он вполне мог допустить, что между Чжу Цзылином и министром нет и капли родственной привязанности. И всё же открыто заявлять о нежелании помогать отцу было по меркам Великой Ци поступком почти неслыханным.

Каждая династия чтит сыновний долг, особенно среди аристократии. Репутация непочтительного сына могла навсегда закрыть путь в высшее общество. Даже если раздоры в семьях случались, на людях все старались сохранять видимость благочестия.

Неужели Чжу Цзылин настолько беспечен, что не боится позорной славы или гнева ванье? Или же он, зная о натянутых отношениях князя с императором, всё тщательно рассчитал и намеренно ведёт эту игру?

Ван Сянхэ украдкой взглянул на Жун Чжао. Тот лишь коротко усмехнулся и внезапно спросил:

— Та золотая статуя, присланная императором... она ведь всё ещё пылится на складе?

Управляющий моргнул, припоминая:

— Вы имеете в виду ту, что прислали в позапрошлом году?.. Да, она там.

— Отправьте её в качестве дара, — распорядился Жун Чжао. — Остальное можно убрать.

— Но ванъе... — Ван Сянхэ сразу почувал неладное.

Чжу Цзылин же, напротив, загорелся любопытством:

— Золотая статуя? Это именно то, о чём я просил? Дорогая, но никчёмная вещь?

Старик неловко откашлялся:

— Это статуя самого ванъе, изготовленная по особому распоряжению императора. Фут высотой, чистейшее золото... только вот... мастерство ваятеля оставляет желать лучшего.

Подобный предмет, отлитый из цельного золота, несомненно, стоил баснословных денег. К тому же, будучи императорским даром, он придавал владельцу немалый вес в глазах общества. Но в плане практической пользы статуя была абсолютно бесполезна. Будучи даром государя, её нельзя было ни переплавить, ни продать — оставалось только выставить на самое почётное место и возносить хвалы.

К тому же она изображала «звезду бедствий» Жун Чжао, которого люди старались обходить десятой дорогой. Держать подобную вещь в доме многие сочли бы дурным знаком. Особенно если учесть, что ваятель намеренно придал чертам князя свирепость и ярость.

Сам Жун Чжао, хоть и внушал трепет, обладал благородной красотой. Статуя же, созданная с целью передать его «сущность», а не облик, больше походила на грозного владыку преисподней Яньло-вана — дети при одном взгляде на неё начинали плакать от ужаса.

Преподнести такой дар — значило не закрепить союз, а нажить врага. Министр Чжу Жуйхун непременно решит, что князь намеренно насмехается над ним. К тому же это выставит напоказ разлад между Ли-ваном и его новой роднёй, чем непременно воспользуются недоброжелатели вроде Юй-вана.

Ван Сянхэ терзался сомнениями, понимая всю пагубность этой затеи, но не знал, как переубедить господина.

— Эта вещь лишь мозолит глаза, самое время пустить её в дело, — холодно отрезал Жун Чжао.
— Решено.

«...»

Раз господин высказался столь однозначно, управляющему оставалось только подчиниться.

Чжу Цзылин, поняв, что Жун Чжао снова пошёл ему навстречу, расплылся в довольной улыбке:

— Благодарю, ванъе!

В порыве признательности он заботливо подцепил палочками сочного морского ушка и положил его в чашу супруга.

«...»

Жун Чжао долго смотрел на подношение, храня молчание. В конце концов, нахмурившись, он всё же съел его. У него была привычка доедать всё, к чему он уже прикоснулся или что оказалось в его посуде.

Хотя на палочках Чжу Цзылина наверняка осталась его слюна, в вечной борьбе между брезгливостью и педантичностью князя победила последняя.

***

В то утро поместье министра Чжу пребывало в суете: предстоял визит новоиспечённой четы Ли.

Госпожа Ху, хозяйка дома, раздавая указания слугам, не удержалась и излила желчь своей верной помощнице, матушке Лю:

— Подумать только, этот никчёмный мальчишка, едва став мужчиной-супругом, возомнил о себе невесть что. А мне приходится устраивать пышный приём ради него.

Матушка Лю поспешно зашептала:

— Ох, госпожа, не берите в голову. Мы делаем это не ради него, а чтобы не разгневать Ли-вана. К тому же долго ли этот бедолага протянет подле такого свирепого супруга? Его мнимое величие рассыплется в прах быстрее, чем вы успеете оглянуться.

— И то правда, — немного успокоилась госпожа Ху. — Посмотрим, как он будет выглядеть сегодня. Сомневаюсь, что подле такого чудовища он сможет спокойно есть и спать.

Она сжала кулаки, вспомнив своего сына:

— Мой бедный Цзычжэнь до сих пор не оправился после его побоев. Молюсь, чтобы Ли-ван

терзал этого мерзавца день и ночь, только это утихомирит мою боль!

Вскоре после своего пробуждения Чжу Цзылин, ведомый голодом, проявил неожиданную ярость и избил нескольких обитателей поместья, среди которых оказался и любимец матери Чжу Цзычжэнь. Госпожа Ху была вне себя от ярости, желая немедленно отомстить, содрать с обидчика кожу.

Однако именно тогда пришёл императорский указ о свадьбе. Министр Чжу Жуйхун строго-настрого запретил любые раздоры, боясь обвинений в неподчинении воле государя. Госпоже Ху пришлось смириться. Она не только прекратила нападки, но и была вынуждена изображать материнскую заботу, готовя пасынка к свадьбе.

Но видя, как её сын прикован к постели, она не могла оставить всё просто так. Не имея возможности действовать открыто, она тайно подсыпала в еду Чжу Цзылина порошок, ослабляющий мышцы, и яд.

Странно было то, что юноша поглощал еду в огромных количествах, и доза отравы была велика, но он оставался бодрым, словно на него ничего не действовало. В итоге он благополучно сел в свадебный паланкин, так и не дав мачехе насладиться его страданиями.

Матушка Лю, прекрасно знавшая помыслы госпожи, вкрадчиво добавила:

— Говорят, Ли-ван во время церемонии был чернее тучи, а на пиру и вовсе едва сдерживал ярость, намеренно изводя придворных. Явно был не в духе. Уверена, молодой господин в его поместье каждый день дрожит от страха.

— К тому же, — продолжила она, — в него ведь вселился голодный дух. Либо в княжеском доме ему не дают набить утробу, либо Ли-ван уже прознал о его странностях и пришёл в бешенство. Так или иначе, он сегодня наверняка будет выглядеть краше в гроб кладут.

Эти слова окончательно вернули госпоже Ху хорошее расположение духа.

— Верно. Ли-вану пришлось подчиниться указу, и этот мальчишка для него — пустое место. Уверена, сегодня он даже не соблаговолит его сопровождать.

Мачеха злорадно усмехнулась, уже прикидывая, как унизит и накажет Чжу Цзылина, если тот явится в одиночестве.

Однако время шло, все приготовления были завершены, а гостей всё не было. Прождав довольно долго, она обернулась к мужу:

— Господин, неужели Ли-ван... вовсе не собирается наносить визит?

Она и раньше сомневалась в приезде князя, но была уверена, что Чжу Цзылин приедет сам. Но теперь и от него не было вестей. Могла ли ярость князя быть столь велика, что он просто запер супруга в поместье?

Чжу Жуйхун нахмурился, но ответил:

— Подождём ещё немного. Возможно, они просто задержались.

Ожидание затянулось почти до полудня. Терпение министра лопнуло.

Он уже собирался в гневе покинуть зал, когда вбежал слуга с криком:

— Ли-ван и ванфэй прибыли!

Супруги замерли в изумлении. Чжу Жуйхун немного расслабился, а госпожа Ху почувствовала, как по спине пробежал холодок.

«Неужели Ли-ван действительно приехал вместе с ним?»

Её охватило беспокойство.

Когда карета остановилась и гости вышли, госпожа Ху и вовсе лишилась дара речи. Чжу Цзылин не только не выглядел измождённым или затравленным — напротив, он прямо-таки сиял. На его щеках играл здоровый румянец, а взгляд был ясным. Казалось, за эти дни он стал ещё краше, чем прежде.

Ли-ван же полностью оправдывал свою пугающую славу: его аура была полна мрачной, свирепой силы. Однако юноша, стоя рядом с ним, не проявлял ни тени страха. Напротив, он выглядел на редкость непринуждённо.

Один — в чёрном, другой — в белоснежном одеянии, оба с золотым шитьем... Они стояли плечом к плечу, и в этом внезапно почудилось некое странное ощущение гармонии.

Госпожа Ху во все глаза уставилась на пасынка, в оцепенении позабыв о приличиях.

«...»

Взор Жун Чжао упал на хозяйку дома, и взгляд его стал ледяным.

— Разве Министр Чжу, возглавляющий Министерство ритуалов, не обучил свою супругу правилам этикета? — голос князя звучал негромко, но в нём таилась смертоносная угроза.

Жун Чжао посмотрел на Чжу Жуйхуна, и в его чёрных глазах вспыхнула мрачная, леденящая ярость.

Услышав этот пронзительный тон, госпожа Ху мгновенно пришла в себя и невольно вздрогнула всем телом.

<http://bllate.org/book/15829/1428818>